

Родился я в деревне Елдыновка Белгородской области, дома, в родительской хате, седьмым и последним ребенком. Разница между мной и моим старшим братом, первенцем, была в двадцать лет. До меня у мамы с отцом были дети: Татьяна, Матрена, Мария, Анатолий, Петр, Виктор.

Мама сразу же вышла на работу в колхоз, в поле, и так как меня оставить было не с кем, стала брать меня с собой. Вместо обычной резиновой соски-пустышки она давала мне самодельную соску – замотанный в марлечку нажеванный подсоленный хлеб. Эту соску она привязывала мне на грудь. А чтобы я никуда не уползал, привязывала меня к скамейке.

Образование у мамы было вполне деревенское – два класса начальной школы. У многих односельчан не было и такого. Многие вообще не умели ни читать, ни писать.

Работала мама летом в полеводческой бригаде, а зимой разнорабочей. В поле приходилось работать с ранней весны до поздней осени. Работа в поле считалась легкой. Она и в самом деле была легкой, если ее сравнивать с работой на ферме. Там рабочий день начинался с пяти утра и продолжался до десяти вечера. Время на дорогу на работу и с работы никто не считал. В бурю, в мороз, в слякоть – в пять утра было быть на работе. Первая дойка начиналась в шесть утра. А перед ней надо было убрать из-под буренок навоз, вынести его из коровника, напоить и накормить животину, вымыть вымя. Доили коров вручную. Доить надо было три раза. И так каждый день. На ферме работала моя сестра Матрена.

А рабочий день в поле начинался в семь утра летом и в восемь утра зимой и заканчивался в шесть-семь вечера. В основном полевые работы заключались в уходе за сахарной свеклой и кукурузой, а также в заготовке кормов животным. Но когда начиналась, выражаясь языком газетчиков, битва за урожай, то есть уборочная страда, тогда все работали от зари и дотемна. Зимой мама развозила солому с полей и силос от силосных ям на фермы, вывозила на поля навоз, заготавливала дрова. Труд для женщины очень тяжелый.

Но что ни говорите, а разница в тяжести труда между полем и фермой была.

Каждой колхозной семье выделялся участок в один гектар под кормовую свеклу. Нужно было ее посеять, не один раз за лето прополоть, проредить, чтобы росла крупной. Убирать свеклу пригоняли комбайн. Он выкапывал клубни, а прибирать их, очищать от земли, обрезать ботву и складывать в гурты опять приходилось вручную, как и грузить в грузовики, которые приходилось ждать в поле иногда и ночью.

Оплата за сдачу этой свеклы была натуральной – сахаром. Не выдавали денег и на трудодни в колхозе. За работу в колхозе колхозник получал зерном, просом, ячменем, кукурузой, подсолнечным семенем. Фуражным зерном кормили животных и птицу. Пшеницу отвозили на мельницу, хлеб пекли сами. Из семечек давили масло. Это масло, кстати,

было нам, ребятне, лакомством. Мы очень любили налить его на кусок хлеба, чуть подсолить и есть. А макуха, то есть жмых, шел на корм животным.

Деньги у колхозника появлялись только от продажи полученного на трудодни, от сдачи государству молока, яиц, мяса, шерсти по плану государственных закупок и от продажи на базаре части выращенного в своем хозяйстве. Но всего, что получал колхозник в колхозе, до следующего урожая не хватало. Признаюсь, многие колхозники воровали в колхозе же, в том числе воровал и я, пацан. Ночью я воровал силос для нашей коровы, таскал из лесополосы хворост на дрова и уголь от кочегарки. Ни дров, ни угля обычно не хватало. Топили печи большей частью кизяком – высушенной смесью навоза с соломой, которую тоже надо было заготавливать самим. Кизяк нарезали брикетами и складывали сушить под навес. Не хватало и выделяемого колхозом покоса. Приходилось тайком косить траву по опушкам, в лесопосадках. И надо было успевать это сделать вперед других, потому что желающих было много.

И нельзя забывать, что в каждом деревенском дворе было много своей живности: корова, овцы, свинья, гуси, индюки, куры. У нас еще была своя лошадь. За всем этим тоже надо было ухаживать, всем надо было заготовить корма. Перед уходом на колхозную работу надо было за всеми прибрать, всех накормить-напоить, корову и овец выгнать в стадо, остальным приготовить корм на день, приготовить еду на день для себя в поле, для детей в школу. Вечером все это повторялось. А еще был свой огород, еще была стирка, приборка в доме, просмотр уроков детей, лечение их, если, не дай Бог, заболели. Много, очень много надо было сделать деревенской женщине за день. Вся деревенская ребятня, едва вставала на ноги, посылно участвовала в работе. Но все равно, все тяготы деревенской жизни в основном ложились на женщину. Вставала мама в пять утра и спать ложилась едва не за полночь.

Незавидная была их доля, ничуть не лучше той, как описывал ее Николай Алексеевич Некрасов.

Мужчинам было легче. Все они в основном работали механизаторами – комбайнерами, трактористами, шоферами, слесарями, в кузнице, на колхозной конюшне. Очень часто пили, спивались.

Бросить работу в колхозе и уехать было нельзя, так как колхозники не имели паспортов. Уехать можно было только с разрешения правления колхоза и с получением в сельском совете соответствующей справки. Но какой же председатель колхоза отпустит работягу. Да с него три шкуры сдерут на парткомиссии в райкоме и самого переведут в работяги. И опять же легче было деревенским парням. После службы в армии они могли остаться в городе, могли учиться в техникумах и вузах на общих основаниях, а не по направлению колхозов. Все, кто поступал учиться по направлению колхозов, а это в основном были девушки, по окончании учебы обязаны были вернуться в колхоз.

Осенью мы всей семьей занимались заготовкой солений и варений на зиму: солили капусту, помидоры, огурцы, замачивали арбузы, яблоки, груши, варили компот, закла-

дывали зимние сорта яблок. Погреб у нас был полон припасов. А под Новый год обычно в деревне начинали резать свиней. Свинью резали, шкуру палили, скоблили, мыли, потрошили, сало солили и укладывали со специями в дубовые бочки, отдельно укладывали мясо. Потроха мыли, кишки выворачивали наизнанку, тщательно мыли, пока они не становились тонкими и прозрачными, и начиняли колбасным фаршем из мяса и потрохов с прибавлением лука, чеснока, перца, соли, потом немного обжаривали, складывали в эмалированные кастрюли, заливали топленным свиным жиром и складывали в погреб. Осталось их перед подачей на стол еще обжарить. И какие же были они вкусные, те колбасы!

Из свежего мяса сразу же готовили жаркое и прочие блюда – праздник был во всей деревне. Как правило, работали в этот день, пока все не будет прибрано. Захмелевшие мужики обычно уже спали, а женщины и мы, ребятня, работали и работали.

Резали на зиму и баранов, гусей, кур. Их тоже надо было прибрать, разделить на всех старших детей, моих братьев, перебравшихся после армии в город. В городе жилось вольготнее, но и голодней. Магазины были обычно пусты, да и зарплаты были маленькими. Братья увозили в город все – и картошку, и овощи, и соленья, и компоты, и сало, и мясо, и колбасу. К лету обычно погреб пустел.

Вообще надо сказать, что мама была искусным поваром. Она умела сделать все и все делала очень вкусно. Она сама умела приготовить кефир, сбить сливочное масло, которое мы называли обычно коровьим, настряпать и напечь всяких печений, пирожков, оладий, блинчиков, наделать из сахара много различных конфет. Самым вкусным блюдом на свете я считал приготовленный мамой на Новый год холодец из свинины, говядины и гусятины. Холодильников тогда в деревне не было. Готовить приходилось каждый день.

Среди соседей и сельчан она была в большом почёте и уважении. К нам в дом любили приходить соседи и вообще многие сельчане. Она всех привечала. Иногда она сама ходила в гости, навещала своих отца, брата и двух сестер, которые жили в нашей же деревне. Особенно близка она была с сестрой Акулиной. Она с ней общалась больше всего. Но это было редкостью, все взрослые в деревне были в ежедневной заботе и в работе.

Мама с душой относилась к любому делу. И она обо всех думала только хорошее. А уж нас, детей, она любила больше, чем себя. Как-то заболел мой старший брат и его положили в районную больницу. Мама к нему ходила пешком за сорок километров в одну сторону с едой. За день управлялась. Так она относилась ко всем своим детям.

Хата у нас всегда была побелена, выглядела как новая, наличники окон выкрашены. Двор был выложен кирпичом и посыпан песком, грязи не было.

Радиоприёмник «Родина» был у нас у первых. Он работал на щелочных батареях. По ночам мы иногда слушали «Голос Америки». Прознавший участковый заставлял отца убрать антенну и вообще сдать радиоприемник куда следует, но тот отмахивался.

– Какие враги? Откуда ты взял? Никаких врагов я не слушаю! – говорил отец.

А когда провели электричество, телевизор установил отец в хате первым из всей деревни.

Везли телевизор из Валуек в кузове ГАЗ-53 у меня на коленях в дождь, на открытой машине. Антенну устанавливали всей улицей.

Провели электричество в деревню, когда я должен был идти в десятый класс. Проводку электрических проводов во многих хатах проводил я лично, подключал к счётчикам, схему чертил сам. Хозяева были довольны, всё работало. И дома всю электропроводку сделал я сам.

Дороги у нас грунтовые, асфальта не было. В распутицу, зимой и в дождь, без техники было тяжело. Машины по дорогам в непогоду практически не ездили. Все грузы в такой период времени перевозили исключительно тракторами.

В восьмилетнюю школу за три километра от деревни в одну сторону дети ходили пешком. Нас ходило в школу восемь человек, и нам вместе было весело. А в девятый и десятый классы я из деревни ходил один и ходил за девять километров.

Что еще сказать о деревенском быте той поры?

Магазин на всю деревню был один, и в нем, кроме спиртного, мало что было: спички, керосин, скобяной товар, мыло, кирзовые и резиновые сапоги. Уже перед моим отъездом из деревни ассортимент его стал пообширнее.

Праздники отмечались всей деревней. Это были праздники не только государственные, День Первого мая или Октябрьской революции. В деревне праздновали окончание посевных работ и уборки урожая, Новый год, Рождество, Пасху. Церковные праздники отмечать запрещалось, но на запрет никто не обращал внимания. Большинство сельчан были верующими. С особым чувством отмечали День Победы.

По праздникам, особенно зимой, у нас в хате собирались мамы подружки, щелкали семечки, о многом в жизни говорили и пели народные задушевные песни, я редко такие слышал. Пили чай с приготовленными печеньями, иногда чуть выпивали спиртное, было и такое.

А когда в хате стоял ткацкий станок, ночами все соседи приходили ткать себе всё необходимое, шумно было, рабочая обстановка. Когда мы спали и сколько, трудно сейчас сказать.

А выходные дни значились только в календаре. Работали все в колхозе без выходных.

За что мама ни бралась, всё у неё получалось. Она сама шила нам одежду, вязала из шерсти нам пуловеры и кофты, свитера, носки и рукавицы.

У нас была своя прялка. Мама стригла овец, из шерсти на прялке мотала разные нитки, красила, из них вязала нам цветную или чёрно-белую одежду. Мама вышивала рушники, белые кофты и блузки для себя и своих дочек. Наволочки на подушки всегда были пошиты ею и вышиты разными узорами её руками.

В хате всегда было прибрано, во всех комнатах чисто, убрано. На стенах висели украшенные рушниками иконы и фотографии предков и всей нашей семьи. Мама почитала православие, ходила в церковь в соседнее село.

Ситец в деревне был дефицитом, да и в постоянном отсутствии денег не все его могли приобрести. Деньги копили годами на самые необходимые нужды. А ткань на одежду и все прочее изготавливали сами. На своих огородах выращивали лён и коноплю, осенью собирали в снопы, вымачивали в воде, разбивали, делали нитки, наматывая клубки на пряжу. Мы у себя в огороде выращивали только лён, коноплю мама не выращивала. Ткали на ручных ткацких станках. Из этой льняной ткани и шили одежду, простыни, полотенца.

Мама брала такой станок у деда Абрама, он сам себе его сделал. Дед был мастеровитым. Уменьше от него перенял старший брат Анатолий. Вся мебель у нас в хате была его работы. Мама ткала дорожки на пол, прикроватные коврики и всякие поделки на кровати. Они были красивыми и удобными.

Мама всегда любила порядок и чистоту, полы в хате красились свежим навозом, неприятного запаха мы не чувствовали. Она знала, как делать раствор, чтобы был без запаха, а поверх пола стелила тканые красивые матерчатые дорожки.

Мы ей помогали все, как только могли и во всём, в чём умели, а в чём не умели, учились, или учила нас мама. Благодаря нашей маме мы были всегда одеты, обуты и сыты. Она нас всех очень любила и отдавала нам всю свою душу. Как же ей всё это удавалось, трудно себе представить.

Мама всегда ждала приезда братьев с нетерпением. Их приезд был для нее праздником, а счастьем для нее было, когда на лето привозили они внуков. Всех она вынянчила, всех одарила лаской и заботой. Она сама их и лечила, если вдруг кто-то прихворнул. У нее всегда были соответствующие травяные настойки, примочки, отвары.

С возрастом мама стала частенько болеть. Вот тут стодился я, пацан. Я научился печь хлеб, варить борщ, доить корову, прибираться в доме и во дворе, в огороде, таскать воду, кормить скотину. Но и я не поспевал за всем. Пришлось потихоньку сокращать свое домашнее хозяйство. Мама расставалась с ним тяжело. Сколько могла, через силу она старалась ухаживать за все так, как ухаживала прежде. Но она все чаще и чаще болела. Пришлось уйти с работы в колхозе. Пришлось отказаться от своей лошади и отвести ее в колхоз. Удар по родителям был очень тяжелый. Трудно они свыкались с мыслью, что лошади у них нет. А не стало лошади – еще труднее стало управляться с прочим хозяйством. Постепенно пришлось отказаться от овец, потом от гусей. До последнего держали корову. Мама не могла себе представить жизнь без нее. Но наступил день, когда решено было отказаться и от коровы. Увядал сад, зарастал огород. Окончил школу и уехал в военное училище и я.

Остались мои родители, моя мама и мой отец, в хате и во дворе одни. Одна отрада была – приезжали дети. Мама завела козу, которую считала едва не своей подругой, разговаривала с ней, как с человеком, как со своей ровней. Так ей было легче. Оставались еще куры. Но что они – кудахтающие да роющиеся в земле птицы...

Деревня потихоньку умирала. Уезжала молодёжь, к тому времени уже получающая паспорта, устраивалась в городе, забирала с собой стариков. Дома стояли пустыми, без хозяев, с заколоченными крест-накрест, как в войну, окнами. Жуткая была картина.

Отец сопротивлялся, никуда не хотел уезжать. Они с мамой ещё какое-то время оставались одни на всю деревню. Живой во всей деревне была только их хата. Уже надо было помогать им продуктами из города, что дети и делали, старались ездить к ним каждую неделю. И каждый раз предлагали им ехать в город. Но отец упирался до последнего и не ехал.

Наступило, однако, время, когда и он согласился. Увезли их дети в Белгород.

Деревня окончательно умерла. Через какое-то время местные власти снесли ее, превратили деревню в поле, но на этом поле так до сих пор ничего не растёт. Каждый год я стараюсь приехать на это место, место своего детства. Мурашки бегут по коже при виде того, что осталось от деревни, где веками жили люди, жили, строились, работали, влюблялись, рожали детей, провожали их в армию, сами уходили на войну...

Как быстро проходит человеческая жизнь на Земле, миг, один только миг, и нас нет.

Мама да и отец с трудом перенесли переезд в город. Сначала они жили у брата. Родителей это очень стесняло. Но потом отец как инвалид войны получил в городе однокомнатную квартиру. Мама воспряла – она снова стала хозяйкой. Почти каждый день к ним заходили дети, помогали, привозили лекарства, лечили, долго вечерами засиживались у них. И маме стало лучше морально и физически – ведь она снова оказалась рядом с детьми. Жизнь посветлела, болячки стали забываться. Она готовила еду, отец покупал чекушку, вместе ужинали с детьми, и мама была счастлива.

А как она всегда ждала меня, я приезжал один раз в год и ненадолго. Я был самым дорогим и желанным гостем для неё. По приезду мама накрывала богатый стол, как в те далёкие времена, причитая: «Слава Богу, приехал»...

Очень всех нас любила, особенно меня, я ведь был её последним ребёнком и жил далеко от неё.

Мама часто писала мне, описывая всё происходящее у неё и детей, которые были рядом с ней, о земляках, обо всех и обо всем, о ком что знала.

Отец долго болел, мама за ним ухаживала. Отец умер пятого ноября тысяча девятьсот девяносто четвёртого года. И хотя мама с отцом не очень дружно жили, мама тяжело перенесла его смерть.

Уходили и её годы. Нужно было принимать решение, где и с кем ей жить дальше. Решили, что она будет жить у сына Виктора. Мы все, как могли, ей помогли, часто сестра Татьяна её брала к себе. Я каждый месяц посылал деньги жене брата, она ухаживала за мамой, и эти деньги очень семье помогали.

Мама все переносила с великим терпением, кротко со всем и всеми соглашалась, доживала свой век.

Наверно, в памяти не один раз проходила вся её жизнь, рождение детей, война, снова рождение детей, их воспитание, забота о них, работа в колхозе, не очень счастливая с мужем её жизнь. Но счастливой ее делали думы о нас, её детях, в которых она видела весь смысл своей жизни.

Она верила в Бога, читала молитвы, по церковным праздникам дома зажигала свечи, всех крестила, даже нашего сына, её внука, Диму.

По большим церковным праздникам ходила в церковь. Как и прежде, прибиралась в доме. На Пасху пекла куличи, варила и красила куриные яйца, носила в церковь святить. Все церковные праздники почитала.

На Рождество готовила гуся, накрывала всегда чудесный стол.

Сейчас я продолжаю мамины традиции, готовлю на Новый год холодец по маминему рецепту, на Рождество – индейку, на Крещение – гуся. На Рождество моя жена готовит пирожки с печёнкой, на Пасху – куличи. Вместе красим куриные яйца и идём в церковь святить. На все церковные большие праздники ходим в церковь. Традиция – на Рождество посещаем Ганину яму, монастырь на месте захоронения останков царской семьи, расстрелянной 1918 году.

И я непрестанно вспоминаю, как было тогда, при маме, всё прекрасно и легко всем нам, её детям. Какая она была у нас самая любимая и прекрасная мама, чуткая и заботливая, внимательная и отзывчивая, спрашивающая постоянно у Бога здоровья и благополучия своим детям, всё только им.

Так она посвятила себя без остатка служению нам, её детям. Главным её предназначением в жизни стало – быть мамой!

Спасибо тебе мама, мы сегодня такие, какими ты нас вырастила и воспитала, вселив в каждого из нас частичку своей души. Любовь к тебе и память о тебе у нас, сегодня живущих, безмерна.

Тебя помнят дети, внуки, правнуки, все приходят на твою могилу, ты будешь вечно жить в памяти нашей и наших детей и внуков.

Мама награждена медалью Материнства и орденом Материнства.

Мама от нас ушла двадцатого апреля 2000 года. Вместе с её уходом из жизни ушло от нас то, чем и кем мы жили всё это время, как бы сломался весь ход нашей прежней жизни. Предстало начинать жить заново, без мамы.

Похоронена мама на кладбище в Белгороде.

Мама, от нас, всех живущих твоих детей, внуков и правнуков, тебе низкий поклон и вечная память о тебе.